

Быть курсантом – это здорово!

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся.

Военная присяга СССР.

Мы (я и Борька Широков) приехали в Ригу 10-го июля, если мне не изменяет память. Нашли училище, зарегистрировались, выбрали факультет, на который собрались поступать. Выбрали очень просто: встали в ту очередь, где было меньше народу. Им оказался факультет авиационного оборудования. Потом мы узнали, что на факультет «Самолёт-двигатель» набор вдвое больше, следовательно, проходной балл ниже. Но выбор был сделан, и менять его мы не собирались. На время подготовки к экзаменам нас разместили в палаточном городке, который был разбит на стадионе. Там я познакомился с будущими курсантами¹ и своими друзьями: Валеркой Дукштом, Женькой Кулыгиным, Саней Гордич. Первым был письменный экзамен по математике: четыре задания по алгебре, пятое – геометрическая задача. С алгеброй я справился играючи, а на геометрии завис. Бился с ней минут 40, но так и не смог решить. Заклинило. И только тогда, когда вернулся в палатку, решил задачу за пять минут. Вот как бывает... На экзамене по физике я получил «Отлично». Экзаменатор даже спросил у меня: не в физико-математической школе я учился? Забегая вперёд скажу, что все экзамены по высшей математике и физике я сдал на «Отлично». Любовь к этим наукам мне привили наши замечательные школьные педагоги – Красикова Валентина Ивановна и Попов Олег Григорьевич. Я очень им

¹ Поскольку Рижское высшее военное инженерно-авиационное училище (РВВИАУ) им. Якова Алксниса приравнивалось к академии, то мы были слушателями. И только в 1973 году училище было переименовано в РВВАИУ, а нас «обозвали» курсантами.

благодарен... Следующим экзаменом был экзамен по русскому языку (сочинение). Прекрасно помню, как на консультации председатель экзаменационной комиссии – подполковник Лемайкин Б.М. – сказал нам примерно следующее:

- Товарищи абитуриенты! Мы готовим инженеров, а не филологов и будущих писателей. От вас требуется элементарная грамотность. Ваш писательский талант здесь никто не оценит. Если вы напишете прекрасное с точки зрения литературы сочинение, но при этом сделаете кучу ошибок, то получите «Неуд» и поедете домой. А вот если вы напишете простенькое сочинение хотя бы на страничку, но без ошибок, то получите в самом худшем случае «Удовлетворительно». Больше и не требуется, поскольку этот экзамен не профилирующий. Поэтому мой вам совет: пишите простыми предложениями. Например, так: *«Мы пошли в лес. Набрали грибов. Усталые, но довольные мы вернулись домой».*

Я не внял его совету, так как в школе писал очень приличные сочинения. Исписал три листа и даже не удосужился проверить. В результате – три балла! Повезло, что не два. Кстати, Саня Гордич получил «Неуд». Он белорус, а у белорусов с русским языком всегда проблема. Но его не отчислили, потому что два предыдущих экзамена он сдал на «Отлично». Тот же п/п-к Лемайкин Б.М. ему сказал: *«Сдашь последний экзамен на «Отлично» – будешь зачислен в училище».* Последним был экзамен по математике (устно). На нём нам показали наши письменные работы, и я с удивлением узнал, что получил «Хор», а не «Уд», как думал раньше. Мы уже знали, что проходным баллом будет 13 баллов. Это значило, что мне нужно было получить «Хор», что я легко и сделал. А вот Саня (он сдавал передо мной) ответил на «Отлично». Экзамены принимала Мария Павловна Сиднева – заведующая кафедрой математики. Когда она открыла его экзаменационную книжку, чтобы поставить оценку, и увидела «Неуд» по русскому, то оторопела:

- Почему Вас допустили к экзамену, если у Вас «Неуд»? – спросила она Саню.

- Подполковник Лемайкин мне сказал, что я допущен к экзамену, – ответил тот.

Мария Павловна вызвала Лемайкина Б.М., они о чём-то долго шептались, потом она заявила:

- Гордич, будете отвечать ещё раз в присутствии председателя экзаменационной комиссии. Берите билет и готовьтесь.

Саня взял билет, взглянул на вопросы и сказал:

- Я готов отвечать без подготовки.

Он отбарабанил все три вопроса, как автомат. Ответил на все дополнительные.

- Я бы Вам поставила шестёрку, но, к сожалению, такой оценки нет. Надеюсь, что Вы будете отличником.

Мария Павловна не ошиблась: Саня окончил училище с красным дипломом.

Вот так я стал слушателем 1-го курса 2-го факультета РВВИАУ им. Я. Алксниса. Впереди были пять долгих (так тогда мне казалось) лет...

Это КПП¹ нашего училища. Отсюда мы выходили за пределы училища, сюда же возвращались после увольнения в город. Два слова о городе: если Ленинград в пору моей юности был спокойным, чистым и холёным городом, то Рига в этом плане меня просто поразила. Всё вылизано, всё блестит и сверкает. Ни один уважающий себя латыш не бросит окурков на тротуар, не напишет в кабине лифта похабное слово... Очень высокий уровень культуры – всё объясняется именно этим. В магазинах, что в продуктовых, что в промтоварных, изобилие. Одним словом – заграница. И это при всеобщем дефиците, который ощущался даже в Питере. Много позже я узнал: все прибалтийские страны снабжались даже лучше, чем Москва и Ленинград. Таковым было мудрое решение партии: создать в этих республиках привилегированные условия жизни, дабы у населения, особенно пожилого, не возникли ненароком мысли о независимости. Наше училище располагалось на берегу Киш-озера, в котором мы не только купались, но и сдавали нормативы по плаванию. А совсем рядом находился Межапарк, в котором курсанты любили проводить время с шампуром и бутылкой пива в руках. Как сейчас помню: на рубль можно было взять два шашлыка, бутылка «Сенчу алус» стоила 33 копейки, «Ригас алус» – 37 копеек. Но это было чуть

¹ Контрольно-пропускной пункт.

позже. Сначала был курс молодого бойца. Целый август месяц мы провели в летнем лагере, где отцы-командиры лепили из нас будущих офицеров. Любой офицер обязан уметь себя обслужить: подшить подворотничок, пришить пуговицу, выстирать и выгладить обмундирование. Белоручкам в армии не место – это моё глубокое убеждение. Любой офицер должен хорошо стрелять и быстро бегать. Для чего? Если не поразил врага с первого выстрела, то нужно вовремя унести ноги (шутка). Изучение уставов, строевая подготовка, физическая подготовка, огневая подготовка – этим мы занимались целый месяц. И, конечно же, суточные наряды: дневальный, дежурный, рабочий по кухне, плюс караул. Это чтобы служба мёдом не казалась. Свободного времени – с гулькин нос. Так нам вбивалась в голову основная заповедь командира: *«Чтобы у подчинённых не было дурных мыслей, у них не должно быть свободного времени»*. Учась на третьем курсе, я прочёл замечательную книгу Леонида Сергеевича Соболева «Капитальный ремонт», из которой почерпнул множество мудрых мыслей. И в частности, мысль о пользе подобной муштры: *«Задача, собственно, заключается в том, чтобы из этой души матросской, в коей не то господня святыня, не то коровий навоз, всякую постороннюю мыслишку, как каленым железом, выжечь. Лишняя она в военном деле...»*, – так поучал младшего брата-гардемарина лейтенант Николай Ливитин. Сейчас, сорок лет спустя, я прекрасно понимаю, что офицер – не робот. И отнюдь не все приказы вышестоящих командиров и начальников он должен выполнять. Тем не менее, полностью согласен с Ливитиным-старшим: *«Плох тот генерал, который не тянул солдатскую лямку»*.

Первое увольнение... Всех желающих отпустили в увольнение после приёма присяги. Присяга – событие одноразовое и памятное. Одноразовое – потому, что присягать нужно только один раз в жизни. Это только в средние века новый король всякий раз принимал присягу от своих вассалов. В наше время так быть не должно. Хотя... после развала Союза перед многими офицерами, проходившими службу в бывших союзных республиках, встал вопрос: кому и где служить дальше? Памятное – потому что запоминается на всю оставшуюся жизнь. Подобных событий в дальнейшей жизни бывает немного: первый экзамен; защита диплома; выпускной вечер; первое офицерское звание; первая любовь и свадьба; рождение ребёнка, академия, защита диссертации (кто умудрился это сделать, конечно). Событие это торжественное: приезжают вышестоящие начальники, гости, родители; весь личный состав училища выстраивается на плацу; приём присяги; прохождение торжественным маршем и, наконец, увольнение в город. Куда первым делом пойти новоиспечённому курсанту в своё первое увольнение? Конечно же, в фотоателье. Сделать фотку и отправить её маме или девушке – это вопрос чести. Не буду говорить за других, но я её сделал. Вот она:

Приятно смотреть на себя, когда тебе 17 лет. К тому же, скажу без ложной скромности: парень я был симпатичный. И военная форма мне шла – так мне говорили знакомые девушки, когда я приезжал в очередной отпуск. Лично я считаю, что она идёт любому нормальному мужику. Не зря же Козьма Прутков изрёк: *«Хочешь быть красивым – поступи в гусары»*. Потом были другие увольнения и другие фотки, но первое запоминается навсегда...

Первый курс... Пролетел он незаметно, и, я бы сказал, обыденно. Каждое утро в 7.00 раздавалась команда дневального по курсу: *«Курс подъём!»*, по которой мы без промедления вскакивали с кроватей, в темпе натягивали бриджи и сапоги (на это отводилось не более 45 секунд) и выходили строиться. Далее следовали физическая зарядка, туалет и утренний осмотр. И так каждый день... Затем пять минут на устранение недостатков (подшить оторванный подворотничок, почистить сапоги, надраить бляху ремня), завтрак, занятия, обед, самостоятельная подготовка, ужин, час свободного времени, обязательный просмотр программы «Время», вечерняя поверка, отбой – всё это было расписано в распорядке дня с точностью до минуты. И выполнялся он неукоснительно. Пропустить лекцию – это было что-то невообразимое. Даже свободных дневальных начальник курса отправлял на занятия. Отсутствие на самоподготовке – бред сивой кобылы! Даже выйти на перекур можно было только с разрешения командира учебной группы не ранее, чем через два академических часа после начала самоподготовки. Вот такое было отношение к учёбе. И это правильно! Потому что из нас в первую очередь готовили инженеров, и только во вторую – офицеров. Самый тяжкий грех, за который «били» очень больно – неуспеваемость. Тех, кто грешил этим, исключали из училища, лишали

очередных отпусков, увольнений, нещадно ругали на всех собраниях. За пять лет обучения с нашего курса были отчислены 12 человек: 11 – по неуспеваемости, 1 (Дробышев) – за воровство. Ну а тех, кто учился на «Хорошо» и «Отлично» поощряли, прощали мелкие шалости, ставили в пример. Когда я служил в 928 ВП, то каждый понедельник и среду с 9.00 до 11.00 гонял мячик (по плану физической подготовки) со студентами ЛИАП¹. Как-то спрашиваю одного из них:

- Дима, а почему вы не на занятиях?

Он удивлённо отвечает:

- Первые две пары – лекции. Можно пропустить...

Как результат, только два человека из десяти таких футболистов после окончания ВУЗа устроились на работу по специальности. Остальные восемь «ушли» в мелкий бизнес: кто-то начал продавать бытовую технику; те, кто соображал в компьютерах, устроились в различные компьютерные фирмы и магазины; ну а кто-то нашёл работу на подхвате. «Кто на что учился», – так говорил мой сослуживец по в/ч 23476 Гриша Веденеев (тоже выпускник нашего училища). Я бы перефразировал эту поговорку следующим образом: «Главное – не на кого учиться, а как учиться». Эту простую истину прекрасно понимали наши замечательные командиры и преподаватели. Вспоминаю о них с большой теплотой.

¹ Ленинградский институт авиаприборостроения (бывшее название). Сейчас он называется Санкт-Петербургским государственным университетом аэрокосмического приборостроения.

Начальником курса у нас был капитан Шитенков Геннадий Кузьмич – прекрасный офицер и воспитатель. Стройный, подтянутый, очень спортивный. Он никогда не повышал голос на курсантов, никогда не наказывал просто так, без причины. Мы его обожали. А вот курсового офицера мы (так мне кажется) не очень любили и даже побаивались. Капитан Котов Валерий Иванович держал курс железной рукой и за малейшие провинности наказывал беспощадно. Тогда мне казалось, что он не в меру строгий командир, который придирается к любому пустяку. И только спустя много лет я понял: по-другому и быть не могло. Хороший курсовой офицер – это цепной пёс. Но он не только кусает, а охраняет и защищает своих подопечных. И Валерий Иванович пестовал нас, как собственных детей. Он столько сил, нервов и здоровья потратил на нас, что дай бог каждому. Мне приходилось видеть командиров, которым было глубоко наплевать на своих подчинённых. Для них они были винтиками, которые должны исправно крутиться. И больше ничего... С моей точки зрения, таких командиров нельзя подпускать к личному составу на пушечный выстрел. Вторая крайность – это заигрывание с личным составом. Так сказать, демократический подход к проблеме воспитания. Таким образом «воспитатель» надеется завоевать уважение, а может быть, и любовь подчинённых. Напрасно. Армия и демократия – понятия несовместимые. Упомянутый мною Леонид Соболев очень точно высказался по этому поводу

словами старшего офицера линкора «Генералиссимус граф Суворов-Рымникский» кавторанга Шиянова:

«Ставь матроса раком – и он уважение к тебе почувствует; а коли ты его поставить не сумеешь – он тебя раком поставит, и тогда флоту крышка».

Комментарии излишни...

Начальник факультета – полковник Модэнов Борис Иванович – личность легендарная. К своему большому стыду я узнал об этом только сейчас. Борис Иванович никогда не рассказывал нам о своём прошлом.

Случайно я зашёл на сайт, посвящённый нашему училищу, и наткнулся на фотоальбом Володи Верещаки. Из него я узнал, что в мае 2011 года самые активные наши выпускники (Володя Верещака, Игорь Бодунов, Иван Мелихеда и другие) встречались по поводу 35-летия окончания училища. С удивлением и радостью я увидел там и Бориса Ивановича. Стал копать дальше – и вот что нарыл:

Офицер. Учёный. Патриот /Старшее поколение

Борис Иванович Модэнов живёт в Выксе с 1995 года. Ветеран Великой Отечественной войны. Полковник. Доцент, профессор, читающий лекции в военной академии. Его судьба – это судьба человека, преданного Отчизне, патриота.

Родился в 1921 году в многодетной семье костромского рабочего. После окончания школы по путёвке комсомола в 1938 году поступил в Московское Краснознамённое высшее авиационно-техническое училище. Курсантов готовили ускоренными темпами – надвигались грозные события. В марте 1940-го Бориса Модэнова, воентехника II ранга, направили старшим техником по электро-оборудованию в 86-й бомбардировочный авиаполк фронтовой авиации. Полк сначала располагался под Киевом, а в конце того же года его переправили ближе к границе, в Тернопольскую область. Это было время, когда Западная Украина вошла в состав СССР из враждебно настроенной к нам Польши. Отношение к русским было более чем настороженное. А в приграничных районах орудовали многочисленные немецкие диверсионные группы.

1941 год. Июнь. Выходной. Офицерский состав – по домам. И как гром среди полной тишины известие о войне. За 35 минут авиаполк был приведён в полную боевую готовность – 45 бомбардировщиков и пять эскадрилий готовы подняться в небо. Но... Проводная связь не работает:

лазутчики перерезали кабель. Связаться по радию не удаётся – глушат. Немцы бомбят аэродром. А самолёты стояли с полным комплектом боеприпасов! Из пяти эскадрилий полка уцелели две. Такие потери – без участия в боях! Удалось сбить из зенитки один немецкий самолёт. Лётчик выбросился с парашютом, его поймали. На допросе он сначала лихо вскидывал руку и кричал: «Хайль Гитлер!», но, получив увесистую затрещину, понял, что попал вовсе не на дружественную территорию. В его планшете нашли карту с точной картографией аэродрома: расположение самолётов, складов боеприпасов, горюче-смазочных материалов, казарм и т. д. Разведка сработала чётко. Однако полк всё же участвовал в боях. Две уцелевшие эскадрильи (по девять самолётов в каждой) бомбили колонны немецких танков. К июлю осталось три самолёта. Переформирование полка и переобучение лётчиков на более совершенные бомбардировщики ПЕ-2 прошло под Астраханью, а потом их перебазировали в Саваслейку Нижегородской области. В январе 1942-го Бориса Модэнова назначили инженером полка по спецоборудованию. Послевоенная служба Бориса Модэнова тоже связана с авиацией, но в ином качестве. По окончании курсов повышения квалификации авиационной службы в Рижском Высшем авиационном училище Бориса Ивановича направили на преподавательскую работу в Киевскую военную академию. В 1961 году ему присудили учёную степень кандидата технических наук. В 1962 году он уже в звании полковника. Несколько лет возглавлял факультет Военно-воздушной академии им. Я. Алксниса, где вёл научную и преподавательскую работу в учёном звании доцента теории авиации и профессора. И заниматься бы ему любимым делом, если бы не дальнейшие события. В 90-е годы прошлого столетия началось расформирование северо-западной группы войск. Финансовую поддержку оказали США. Они пошли на это ради ослабления западной территории и ликвидации её зависимости от России. А Швеция оплатила переезд военных к новому месту жительства. Так и в нашей Выксе появился дом, который называют

«американским». Борис Иванович выбрал это место потому, что служил в 1942 году в Саваслейке, да и жена его закончила Горьковский пединститут. Вот так он оказался в Выксе – этот воин, патриот, коммунист. Кстати, в члены ВКП(б) он был принят на Сталинградском фронте и не меняет своей идеологической платформы.

Борис Иванович – человек необычайной скромности. Рассказывая о службе, всё время говорит: «Полк», «Наш полк», «Мы участвовали». И никогда не говорит – «я». Даже о том, что имеет Благодарность от Верховного Главнокомандующего тов. Сталина, сказал как-то буднично, хотя хранит её как ценнейшую реликвию. Он и о ежегодном поздравлении президента Белоруссии Лукашенко его, как участника стратегической операции «Багратион» по освобождению Белоруссии от фашистов, тоже рассказывает просто, тактично. Великолепный, чуткий, любящий отец, муж, дедушка. Его дети – Павел, Юрий, Борис, Нина. Сыновья – старшие офицеры ВВС, дочь – сотрудница института ВВС. С юбилеем Вас, Борис Иванович! Со значительным событием в жизни. Здоровья вам крепкого! Бодрости духа.

Уважаемый Борис Иванович! Позвольте и мне выразить огромную благодарность за всё, что Вы сделали для нашей Родины и лично для нас – курсантов 2-го факультета. Я желаю Вам здоровья и долгих, долгих лет жизни.

Начальник училища – генерал-лейтенант Сухочев Николай Павлович – крёстный отец нашего училища. Благодаря именно ему, училище стало высшим военно-учебным заведением, кузницей авиационных инженерных кадров. К сведению, в СССР были только 3 ВВУЗа такого уровня: академия Жуковского, Киевское ВВИАУ и наше. К большому сожалению, мне не удалось найти какой-либо информации об этом выдающемся человеке. Опираясь на свои воспоминания, могу сказать только одно: это настоящий офицер, талантливый организатор и очень хороший человек.

Второй курс ничем особенным не запомнился: ежедневные занятия, обязательная самоподготовка, суточные наряды, сессия, отпуск. Я учился неплохо, на экзаменах двоек не получал, поэтому регулярно ездил в отпуск. А курсанты, которые их получали, пересдавали экзамены за счёт своего отпуска. Тех, кто не пересдал, отчисляли. Моим соседом по тумбочке (тумбочка была рассчитана на двоих курсантов) был Алик Агаджанян. Так вот он умудрился схлопотать пару, по-моему, по высшей математике, которую так и не смог пересдать. Отчислили за неуспеваемость. Практически сразу же после летнего отпуска началась подготовка к параду, посвящённому очередной годовщине ВОСР¹. Мы выстраивались на плацу и понеслась... *«Первый батальон прямо, остальные направо. Шагом марш!»*. Маршировали мы с карабинами, и нужно было с плеча перевести его в положение штыком вперёд. Всё это выполнялось в движении. Приходилось потеть... Тогда эти тренировки надоедали до чёртиков, а сейчас я понимаю,

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 года большевики свергли Временное правительство и захватили власть. Сейчас её принято называть Октябрьским переворотом.

что нет худа без добра. Правильная осанка, подтянутость, молодцеватость – вот результат тренировок и строевой подготовки. Сужу по себе... Суточный наряд – это хорошо или плохо? Да, это бессонные ночи. Да, это ответственность. Да, это нервы и напряг силёнок. А как по-другому научиться принимать правильные решения? Как приучить себя к непростой армейской жизни? Как выработать в себе настоящие мужские качества? Всё это закладывалось с начальных курсов училища. Вспоминаю первый наряд рабочим по столовой... Нам нужно было начистить ванну картошки. Чистила картофелечистка, а наша задача состояла в том, чтобы вырезать глазки. Кому-то из нас пришла в голову мысль: если крутить картошку в машине чуть больше положенного времени, то и глазков, а следовательно, и работы будет поменьше. Попробовали. Картошка стала выходить из машины чуть толще оладьи, зато без глазков. Красота! Когда тётенька-повариха увидела, что мы сделали с картошкой, она закатила большой скандал. Мы стояли, как побитые собаки, и с ужасом думали, что выговор нам обеспечен. Но тут из своей комнаты вышел дежурный по столовой – курсант 3-го курса – и быстренько поставил её на место:

- Что ты орёшь на моих рабочих?! Виноваты – я разберусь и, если нужно, накажу.

Я запомнил это на всю оставшуюся жизнь. В дальнейшем у меня были подчинённые офицеры и прапорщики. Я старался их в обиду не давать.

У нас никогда не было дедовщины, с которой я столкнулся в армии. У большинства из нас были друзья, товарищи, компании, но до междоусобиц дело не доходило. Все мыли одногодками, и нам нечего было делить. Мы с уважением и белой завистью относились к курсантам старших курсов, они к нам – снисходительно. Так и должно быть! Теперь-то я знаю, где была собака зарыта: во-первых, все мы были ребятами неглупыми и воспитанными; во-вторых, с первых дней нам прививали чувство локтя товарища; в-третьих, это заслуга наших командиров, и в первую очередь, младших. Старшиной курса был Игорь Бодунов. Он был чуть старше нас, потому что поступил в училище сразу после армии (Игорь служил в ВДВ), но никогда этим не кичился. Умница (по-моему, он окончил училище с красным дипломом), чуткий и отзывчивый, но вместе с тем требовательный командир. У меня сохранилась фотография, на которой я галантно держу его за руку. Вот она:

Нет, мы не были друзьями. Игорь дружил с Саней Головки, с которым я встретился на переучивании в Багерово в апреле 1977-го года. Саня приехал из ГСВГ, бабок море, душа нараспашку – мы немного почудили. Но это отдельная история. Моим другом был Серёга Соколов, с которым я три года спал голова к голове (наши кровати соприкасались торцами). У меня есть его фотография той поры. Так и хочется процитировать: *«Истинный ариец, характер нордический, выдержанный...»*. Серёга – единственный выпускник нашего курса, а может быть, и всего факультета, который получил генеральские погоны. К примеру, даже внук Якова Алксниса – Виктор Алкснис (первый выпуск нашего училища) – дослужился только до полковника. Правда, он сделал карьеру в политике.

Вспоминаю забавный эпизод. На первой паре меня (и не только меня одного) со страшной силой тянуло в сон. А без конспекта по высшей математике сдать её было непросто. Читал её Токаренко Анатолий Иванович, и на экзамене он требовал излагать теоретические вопросы буква в букву с прочитанной им лекцией. Я договорился с Серёгой, и он конспектировал лекцию под копирку, а я в это время дремал. Расплачивался я (любой труд должен быть оплачен) компотом, булочками, сигаретами. У него был каллиграфический почерк, поэтому он выполнял обязанности писаря курса. Должность эта весьма ответственная и почётная. Он вёл ШДК¹, «Книгу приказов начальника курса», учёт взысканий и поощрений, выписывал увольнительные записки, заполнял всевозможные формы, удостоверения, грамоты. У нас была славная компашка: я, Серёга Соколов, Васька Диулин, Серёга Гулаков, Лёха Куц. После окончания училища, я и Серёга попали в одну и ту же часть – в/ч 77942, а вот с остальными компаньонами я так больше и не встретился.

Третий курс был определяющим – этаким своеобразным рубежом. То есть с третьего курса ещё можно было вылететь за неуспеваемость, с четвертого и пятого – нет. Обучение курсанта обходится государству в копейку, а выбрасывать деньги на ветер в советское время было не принято. Мы повзрослели, притёрлись друг к другу, теперь на нас с уважением и завистью смотрели курсанты младших курсов. Четвёртый и пятый курсы – это была элита. Они жили в городе и в училище появлялись только на

¹ Штатно-должностная книга.

занятиях и по большим праздникам, когда проводилось построение всего личного состав училища. Я нашёл фотографию той поры – красавец!

Если себя не похвалишь, то кто это сделает за тебя? В самом деле, подогнанная и отутюженная форма с тремя курсовками, аккуратная стрижка, глаза горят от избытка энергии и мыслей – вылитый будущий «Ваше благородие». Это тебе не какой-то «гражданский пиджак», который даже портянок не нюхал, не говоря о порохе. Мы уже стали похаживать на танцы в ДК завода «ВЭФ»¹, где знакомились с рижскими девчонками; в увольнении позволяли себе зайти в кафе и выпить рюмку-другую ликёра «Шартрез»; одним словом, старались соответствовать званию курсанта 3-го курса. В каникулярные отпуска я ездил в форме, как и большинство из нас. Это рижанам было просто: летом можно было проскочить КПШ в спортивном костюме. По-моему, им даже не нужно было регистрироваться в

¹ Государственный электротехнический завод «ВЭФ» имени В.И. Ленина. Один из крупнейших электротехнических заводов бывшего СССР. За годы своего существования завод выпускал: фотоаппараты, кинопроекторы, трансформаторы, насосы, утюги, электромоторы, провода, кабели, ветровые генераторы, станки, коммутаторы, автоматические телефонные станции, радиоприемники, телефоны. В том числе, знаменитые портативные радиоприёмники «ВЭФ» и «Спидола». В середине 90-х годов 20-го века завод, как понятие, прекратил существование, а на его месте был открыт огромный торговый комплекс.

комендатуре. Мне же приходилось делать это постоянно. Однажды я заявился туда в гражданке и получил втык от прапорщика, который занимался регистрацией военнослужащих. В Ленинграде с этим делом было строго. Хорошо хоть то, что он ничего не записал в отпускном билете. Отпуск, особенно летний, – это было что-то... Я целыми днями гулял по городу, посещал музеи, кинотеатры... и пивбары, конечно. На рубль можно было взять две кружки пива и рыбный набор в придачу. Тогда копчёная скумбрия стоила копейки. Прямо как у Довлатова в его «Записных книжках»:

«Как известно, всё меняется. Помню, работал я в молодости учеником камнереза (Комбинат ДПИ). И старые работяги мне говорили:

- Сбегай за водкой. Купи бутылок шесть. Останется мелочь – возьми чего-то на закуску. Может, копчёной трески. Или ещё какого-нибудь говна.

Проходит лет десять. Иду по улице. Вижу – очередь. Причём от угла Невского и Рубинштейна до самой Фонтанки. Спрашиваю – что, мол, дают?

В ответ раздаётся:

- Как что? Треску горячего копчения!».

Но отпуск пролетал очень быстро, и опять нужно было вкалывать. Нет, не мешки таскать, а работать головой, что порой бывает не легче. Была такая дисциплина – «Электрические машины», которую нам читал начальник кафедры полковник Брыскин И.И. Сдать лабораторное или практическое занятие по ней с первого захода удавалось далеко не всем. Он любил задавать вопросы типа: «Что будет, если слон наступит на вал двигателя?». Ты начинаешь рассуждать примерно так: «Увеличение тормозного момента приведёт к уменьшению угловой скорости вращения вала и увеличению силы тока в обмотке якоря». А он ехидно улыбается и говорит: «Вал погнётся». С чувством юмора у него было всё в порядке. Из всех технических дисциплин мне больше всего нравились «Основы электротехники» и «Системы автоматического управления», которые также читали начальники кафедр полковник Шевелёв П. Н. и полковник Санадзе Р. А. Во-первых, читали они просто изумительно, во-вторых, там много математики, которая мне давалась очень легко. По этим дисциплинам я получал только отличные оценки. А вот чего я терпеть не мог, так это «Истории КПСС», «Марксистско-ленинской философии» и подобных дисциплин. Начиная с первого курса, у меня стали появляться крамольные мысли, например, такие:

1. Почему в военном инженерном училище (это же не институт марксизма-ленинизма) эти дисциплины являются основными и читаются на протяжении всех пяти лет?
2. Победа в Великой Отечественной войне – разве это заслуга только партии и выдающихся полководцев?
3. Если социализм является распрекрасным общественным строем, то почему социалистических стран так мало?

4. Неужели все западные теоретики и политологи сплошь дураки, которые ничего не понимают в преимуществах социализма, а наши – большие умницы – насквозь видят пороки и язвы капитализма.
5. Почему старшие офицеры, все как один, являются коммунистами?

На последний вопрос мне откровенно ответил замполит в/ч 23476 подполковник Дубина Д.И. (фамилия-то какая!) десять лет спустя:

- Сумак, если хочешь получить майора, вступай в партию.

И это несмотря на то, что я стоял на майорской должности. Признаюсь честно: я прислушался к его совету, вступил в партию, получил майора. После успешной сдачи летней сессии, а сдали мы её действительно здорово, группа самых нетерпеливых курсантов (и я в том числе) рванула в самоволку (искупаться в водах Рижского залива приспичило). Нам бы дожидаться положенного времени, получить увольнительные – и купайся себе на здоровье. Ан нет! Под хвост попала шлея. Закончилось это тем, что нас вычислил курсовой офицер. Он же доложил о групповой самовольной отлучке начальнику факультета. Я уж и не помню, какие взыскания мы получили, но нашего любимого начальника курса майора Шитенкова Геннадия Кузьмича сняли с должности и перевели на кафедру. А новым начальником курса стал Валерий Иванович Котов. Мы бурно реагировали на это, выразили своё несогласие и неодобрение, но изменить ничего не смогли. И только много позже я понял простую истину: всё, что не делается, делается к лучшему. Валерий Иванович вскоре получил майора, а мы получили прекрасного начальника курса. Геннадий Кузьмич перевёлся на спокойную должность с регламентированным рабочим днём. И все остались довольны...

Четвёртый курс... Самое обидное было даже не то, что мы лишились свободного режима и денежного довольствия в 95 рубликов, а то, что рухнула надежда. Мы надеялись вести полугражданский образ жизни, посещая училище как институт. А тут на тебе: казарму обозвали общежитием и поделили на кубрики, в которые заселили по 6-7 человек; получка – 15 рублей 80 копеек (курам на смех!); остались суточные наряды (дежурный по общежитию, помощник дежурного по факультету); мы – курсанты 4-го курса – вынуждены были козырять офицерам-первокурсникам 3-го факультета. Конечно, *«Жить стало легче, жить стало веселее»*, – как сказал когда-то «отец народов». Не надо бежать на зарядку, не надо ходить строем в столовую и на занятия, хоть каждый день выходи в город, но... на 15.80 далеко не уедешь. Куда ж было податься бедному курсанту? Отвечаю: одним из самых любимых и доступных мест нашего времяпрепровождения была баня. Ходили туда обычно компаниями: человек по 5-8. Скопом оплачивали сауну, по пути наполняли канистру пивом, покупали 2 кг колбаски, как правило, кровяной (она самая дешёвая), и процесс пошёл... И полезно, и приятно, и дёшево.

А это фотография курсантов нашего кубрика. Я почему-то в свитере, Вадим Комаров (командир отделения) вообще без тужурки. Самые дисциплинированные (застёгнутые на все пуговицы) – это Игорь Сохин, Володя Черняев, Игорь Архипов. Володя Назин чему-то загадочно улыбается, а у Майкла (Миша Михальчук) непонятные глаза. Где вы сейчас, мужики?

В училище была неплохая спортивная база: работали секции по борьбе, боксу, гимнастике, тяжёлой и лёгкой атлетике. Начиная со второго курса, мы начали потихоньку приобщаться к спорту. В нашей группе (213 – 253)¹ в этом плане выделялись Володя Васюков (лёгкая атлетика), Володя Сухорученков (вольная борьба), Вадим Комаров (гимнастика). У них и до училища были первые спортивные разряды, а Вовка Сухорученков, по моему, даже был КМСом. Ежегодно у нас проводились чемпионаты училища по разным видам спорта, на которых они просто чудеса творили. Васюков (вообще-то, он специализировался в прыжках в длину, где ему не было равных) бегал все дистанции, начиная со спринтерских и заканчивая кроссами. Сухорученков, Вольтер, Распопов «ломали» всех на ковре в своих весовых категориях. Вадим Комаров, Саня Головкин и Женька Кулыгин показывали класс в гимнастике. Даже мне довелось однажды выступить на соревнованиях по тяжелой атлетике. Валерий Иванович поставил вопрос ребром:

¹ Первая цифра обозначала номер факультета, вторая – курс, третья – номер группы на курсе.

- Курсант Сумак, команде нужен штангист твоей весовой категории (я тогда весил не более 60 кг).

- Товарищ майор, я штангу видел только по телевизору. Какой из меня штангист? – запричитал я.

- Дукшт тебя подучит. Ты, главное, не дрейфь.

- Да я...

- Иначе, в отпуск поедешь последним, – отрубил начальник курса.

Валерка Дукшт имел первый разряд по тяжёлой атлетике и при своей скромной массе ворочал очень приличные веса. Он действительно меня натаскал так, что я вырвал 50 кг, а вытолкнул 70 кг. Не помню, какое я там место занял, но хорошо помню, что чемпионом в своей весовой категории стал Славка Баранов. Он выступал до 48 кг, и у него просто не оказалось соперников.

Чем ещё мне запомнился четвёртый курс? Я загремел на гауптвахту... за самовольную отлучку. Сейчас даже вспоминать об этом стыдно, но тогда я чувствовал себя «бывалым» курсантом (который умудрился везде побывать). Кстати, я был не первым, кто побывал на гауптвахте. Первым, по-моему, был Васька Диулин. После возвращения оттуда он рассказал много интересного и поучительного. Кое-что из его рассказа мне даже пригодилось. Отсидел я семь суток из положенных десяти – попал под амнистию по случаю первомайских праздников. Но впечатлений хватило на всю оставшуюся жизнь. Начальником гарнизонной гауптвахты был капитан Маркевич Бонифаций Станиславович – человек с очень развитым чувством юмора. Приведу маленький пример: арестованные построены для развода на работы.

- Художники есть? – спрашивает Бонифаций Станиславович.

- Так точно! – отвечает пара-тройка человек.

- Выйти из строя! – следует команда начальника.

Они делают два шага вперёд.

- Начальник караула, – обращается Маркевич к сержанту, – принесите им ломы и лопаты. Вон там, – он указывает рукой в сторону, – надо канаву нарисовать. И покрасивее...

Весь строй покатывается со смеху...

А это мы на самоподготовке. Изучаем серьёзные вещи: ЦВМ «Орбита», которая входила в состав ПНК¹ «Пеленг-Д», установленного на самолёте МИГ-25. Мне эти знания негодились, а вот Володя Соменко после окончания училища попал в полк, на вооружении которого находились именно эти машины. Мы служили в одном гарнизоне (Ареда) и частенько встречались за рюмкой водки. Нет, вру: полковые ребята в основном употребляли «массандру» (смесь спирта и воды), которой у них было море разлитое, а мы – «глухонемые» – перебивались сухим вином, шампанским и коньяком, которых в магазине было невпроворот. Но это уже другая история.

¹ Пилотажно-навигационный комплекс.

Завершился четвёртый курс войсковой стажировкой. По плану проведения стажировки мы должны были освоить должности начальников групп технического обслуживания и регламентных работ, а также инженера полка. Это теоретически. Практически, никто не собирался допускать нас к эксплуатации боевой техники (Су-7БКЛ). Инженер полка по АО поставил конкретную задачу: *«Сделаете рабочий макет курсовой системы – отличные оценки вам обеспечены»*. Вот этим мы и занимались целый месяц. Даже вспомнить нечего... Но кой-какие впечатления и выводы у меня сложились: пропало всякое желание служить в авиационном полку. Почему? Потому что технарь – это не летун, которого холит и лелеет командир полка. Это так – подсобный рабочий, от которого требуется, чтобы самолёт летал. В общем, человек второго сорта. Да и перспектива дослужиться до майора меня не устраивала. Я никогда не был карьеристом, но в мечтах видел себя хотя бы подполковником, желательно преподавателем в военном училище (примеры были перед глазами). Мечты, мечты... Сбудутся ли они?

Пятый курс запомнился заводской практикой на самолётостроительном заводе в городе Куйбышеве. Сейчас ему (городу) вернули его историческое название – Самара. Мы прибыли туда сразу же после зимнего отпуска, так сказать, с бала да на корабль. Завод выпускал самолёты Ту-134 и Ту-154, и я

до сих пор не понимаю: на кой чёрт нам понадобилась практика на гражданском самолётостроительном заводе? Вероятность попасть после окончания училища в военное представительство была крайне мала (только для избранных). Так зачем было огород городить? Это очень хорошо понимало и руководство завода. Нас провели в сборочный цех, показали почти готовую «Тушку», рассказали об истории её создания. На этом вся практика закончилась. Лучшая помощь – это не мешать. Мы никому не мешали, и нам тоже никто не мешал. Чем было заниматься? Играли в карты и пинг-понг. В подвале общежития были установлены теннисные столы, и работяги после трудовой смены стучали по ним шариком. Я играл так себе, но у всех наших выигрывал, поэтому ходил гоголем. Однажды за противоположный конец стола встал какой-то очкарик и в двух партиях разгромил меня под ноль. Как я не пыжился, как не напрягался, но ничего сделать не смог. Потом он признался, что является мастером спорта и чемпионом завода. Вот что значит профи!

Ещё меня поразила убогость тамошних продуктовых магазинов. Не в смысле интерьера, а в смысле ассортимента: кроме рыбных консервов и «резиновой» колбасы из конины на прилавках ничего не было. Мне, коренному ленинградцу, это было в диковинку. Однажды по пути в общагу я увидел серебристый бочонок на колёсах (в таком обычно продают квас или пиво), возле которого собралась приличная толпа народа. Я удивлённо подумал: «*В такой мороз за пивом?*». Подошёл и удивился ещё больше: продавали молоко. Нас кормили в заводской столовой и кормили неплохо. Мне даже в голову не приходило, что масло, молоко, мясо и другие продукты питания – в магазинах большая редкость. Они появляются исключительно по революционным праздникам и по случаю приезда больших начальников. Спустя три года, я собственными глазами увидел такое изобилие продуктов в читинских магазинах, которого там никогда не было. Причина проста: мимо проезжал любимый и обожаемый Леонид Ильич Брежнев. Если мне память не изменяет, то он забрался в такую глухомань для того, чтобы собственными глазами увидеть своё детище – БАМ.¹ Кстати говоря, у него было ещё одно творение: «Малая Земля» и «Целина». Советские критики называли эти книги вершиной литературного творчества, прочесть которые был обязан каждый гражданин СССР. А мы (вояки) – не только прочесть, но и конспектировать. И конспектировали... За пятнадцать после училищных лет я не одну тетрадь исписал, конспектируя основоположников марксизма-ленинизма. А кем они стали сейчас? Прекрасно помню, как по такой «важной» дисциплине, как «ППР»², которую мы расшифровали: «*Пришли, поговорили, разошлись*», я едва не получил два балла. Хорошо, что Валерий Иванович уговорил преподавателя поставить мне тройку, а иначе был бы большой скандал (несолидно на пятом курсе получать двойки). Меня отчитали, как нашкодившего щенка. Кафедра марксизма-ленинизма была

¹ Байкало-амурская магистраль.

² Партийно-политическая работа в СА и ВМФ.

кафедрой № 1 не только в родном училище, а во всех ВУЗах нашей страны. Преподаватели получали зарплату и денежное довольствие, защищали кандидатские и докторские диссертации... А что оказалось на самом деле? Но это отдельный большой разговор.

Пятый курс закончился производством в офицеры и выпускным вечером. Я уже и не помню, в каком ресторане мы проводили это мероприятие, потому что изрядно набрался (до блевотины). Это ещё один эпизод моей биографии, за который мне очень стыдно по сей день. Хотя сейчас я всякий раз радуюсь, когда обнимаю унитаза (иногда со мною такое бывает). Утеря рвотного рефлекса – первый признак алкоголизма. Стало быть, я ещё не законченный алкаш... А вот моя фотография той поры, сделанная накануне защиты дипломного проекта.

Конечно же, я подстригся и сразу же после выпуска заменил синий стандартный ромбик на белый академический, что сделал каждый из нас, но и так хорош – не правда ли? Смотрю на себя и думаю: *«Как быстро пролетело время...»*. Странно получается: когда учился в школе, хотелось быстрее её закончить и поступить в институт; когда учился в училище, хотелось того же: быстрее стать офицером; когда стал офицером – дослужиться до пенсии. Дослужился... С одной стороны – всё прекрасно, с другой – начать бы всё сначала! Прав поэт-песенник: *«Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь...»*. Мой первый диплом... Пусть он не красного цвета, но окончил я училище со средним

баллом 4,12 (именно столько стоила бутылка водки, поэтому я и запомнил). Хороший офицер – это тоже неплохо. Такие хорошисты уверенно дорастают до подполковника. Ну а чтобы стать полковником или генералом, надо окончить училище как минимум с красным дипломом. Так я думаю...

Вспоминая курсантские годы, отчётливо понимаю, что это были лучшие годы жизни, которые уже никогда не повторятся. А жаль... Всё-таки, быть курсантом – это здорово!